

*350-летию со дня рождения
императора Всероссийского Петра I Великого
в знак признания его выдающейся роли
в строительстве Российского государства,
в усилении могущества России,
превращении нашего Отечества
в современное государство
с развитой экономикой и культурой*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Император Всероссийский
Петр I Великий*

(1672—1725)

Петр I Великий

ЧЕСТЬ, СЛАВА,
ИМПЕРИЯ

Труды, артикулы,
переписка, мемуары

Москва
2022

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)46-8
ПЗ0

Составление, подготовка текста, переводы,
примечания и комментарии — *В. Г. Яблонский, А. С. Веселов*

Разработка серии — *И. Осипов*

Петр I Великий.

ПЗ0   Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары /
Петр I Великий. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с. : ил. — (Подарочные
издания. Великие правители).

ISBN 978-5-04-163877-1

Это юбилейное издание, приуроченное к 350-летию со дня рождения императора Всероссийского Петра I Великого, охватывает, может быть, самые судьбоносные четверть века русской истории. В книге, как в панораме, перед современным читателем разворачивается грандиозная политическая и человеческая деятельность царя-реформатора: от детских военных забав до превращения Московского царства в мощную Российскую империю. Указы, распоряжения, деловые и личные письма Петра I в сочетании с материалами о жизни и трудах его сподвижников знакомят читателя с многогранной государственной, политической и военной деятельностью величайшего российского императора. Дополняют том воспоминания современников и очевидцев событий. Сотни старинных цветных и черно-белых иллюстраций позволяют увидеть блистательную Петровскую эпоху такой, какой видели ее люди того далекого времени.

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)46-8

ISBN 978-5-04-163877-1

© Серия, тексты, переводы, примечания,
комментарии, иллюстрации, оформление.
ООО «Издательство «Око», 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ От Издательства

Петровская эпоха стала, может быть, самым судьбоносным временем русской истории. Никогда до самого 1917 года Россия не претерпевала таких колоссальных преобразований, как по воле Петра Алексеевича Романова. Петр Великий не просто превратил Московское царство в Российскую империю. Он сломал старый порядок вещей, перевел державу на новый календарь, велел праздновать Новый год 1 января, ввел 40 новых налогов и государственную монополию на продажу ряда важнейших товаров, с нуля построил флот, победил Швецию и перенес столицу в новый город, который назвал именем своего небесного покровителя...

С любовью или сопротивлением, по доброй воле или по принуждению, из страха или из желания выслужиться, но огромное множество людей самого разного звания исполняло яростную волю Петра Великого. Под его неусыпным руководством они строили флот и отвоевывали Азов, двадцать лет на суше и на море бились со шведами, возводили Петербург, разгромили под Полтавой самую лучшую европейскую армию, сбрасывали свои и чужие бороды и по-русски неуемно веселились «на европейский манер» на новомодных ассамблеях.

Что из всего этого вышло? Как ни странно, новая Россия, настолько отличная от прежнего Московского царства, что вернуть «к старине» ее не могли уже никакие усилия. Петр оставил Россию «недореформированной» — в каком-то смысле она остается такой и сейчас. И, может быть, главным в наследии Петра есть это общее стремление завершить, закончить, претворить в жизнь самый глобальный проект за всю историю России.

Литература о Петре необозрима. Одни только выходявшие в 1788—1797 гг. «Деяния Петра Великого» вместе с «Дополнениями» насчитывают 30 томов, его «Письма и бумаги» (1887—2003) — 13 томов и т. д. Научные публикации не поддаются учету, ибо невозможно сосчитать бесконечность.

Так что Петр Великий — самый изученный, самый интересный, но и, как ни парадоксально, самый неизвестный русский государь XVIII века.

Эта книга — своеобразный исторический гид по жизни и свершениям основателя Российской империи. Вы познакомитесь с Петром Первым во всех его проявлениях, пройдете по его жизненному пути, станете свидетелями его поражений и побед, приобретений и потерь, узнаете его как сурового и властного правителя, грандиозного реформатора России и как любящего и ревнивого супруга.

«Лицом к лицу лица не увидать: большое видится на расстоянии».

С расстояния в 300 лет, словно в мощный телескоп, вы увидите, рассмотрите и лучше поймете жизнь и свершения Петра Великого, о котором А. С. Пушкин сказал с благоговейным восхищением: «Он весь, как божия гроза».

СОДЕРЖАНИЕ

И.-Г. Фоккеродт.
Россия при Петре Великом

Воспоминания современника, секретаря прусского посольства в России в 1717—1733 гг., написанные по просьбе Вольтера.

8

ТРУДЫ, ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

Молодые годы:
Начало славных дел (1689—1697)

103

Восшествие на престол. Первые указы. Письма к матери.

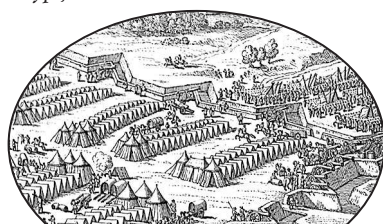

От Великого посольства до Великой победы: Россия на пороге Европы (1697—1708)

Царь-плотник: изучение навигацкого и столярного дела. Голландия, Англия. Стрелецкий бунт. Указы о новом календаре. Договор с Турцией.

133

Полтава: значение и уроки триумфа (1708—1709)

219

Баталия при Лесной. Предательство Мазепы. Указы Войску Запорожскому и всему малороссийскому народу. «Обстоятельная реляция» о Полтавской битве.

Переписка Петра с Екатериной за 1707—1713 гг.

Петр — пылкий любовник и заботливый муж во всей своей интимной простоте и непритворности. С годами страсть царя превратилась в настоящую глубокую любовь, полную доверия, нежности и уважения.

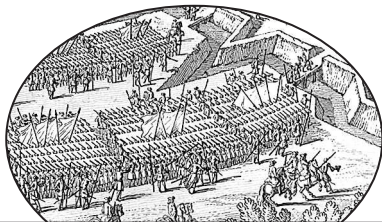
303

От царя до императора:
Закрепление пройденного
(1709—1725)

316 *Дело царевича Алексея. Указы о бритье бород и европейском платье. Петровские ассамблеи. Ништадтский мир. Указ «О наследии престола».*

ПРИЛОЖЕНИЯ

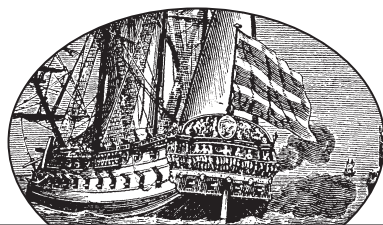

Артикул воинский
с кратким толкованием

Появление в России регулярной армии потребовало систематизации норм и правил ее существования и деятельности.

357

Юности честное зерцало

424 *«Зерцало», то есть правила поведения для «младых отроков» и девушек, фактически является первым в России учебником этикета.*

Якоб фон Штелин.
Подлинные анекдоты Петра Великого,
слышанные от знатных особ
в Москве и Санкт-Петербурге

В России XVIII—XIX вв. анекдотом называлась занимательная история о каком-нибудь известном человеке, и вовсе не с задачей его высмеять.

447

Табель о рангах по состоянию
на 1722 г.

478 *Введение в действие Табели о рангах оказало существенное влияние на исторические судьбы дворянского сословия в России.*

И.-Г. Фоккеродт.
Россия при ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Иоганн-Готгильф Фоккеродт, секретарь прусского посольства в России в 1717—1733 гг., написал воспоминания по просьбе Вольтера, работавшего над историей царствования Петра. Перевод был сделан членом Московского общества истории и древностей Российских А. Н. Шемякиным. Современная версия перевода подготовлена А. С. Веселовым.

I

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ПРЕЖНИЕ РУССКИЕ БЫЛИ ТАК ДИКИ
И СКОТОВАТЫ, КАК РАССЛАВЛЯЮТ О НИХ?

1. Если только хотят эти названия дать таким людям, которым или совсем, или очень мало известны правила вежливости и благоприличия, установленные взаимно другими образованными народами в Европе, также и народного права и уважения, каким обязаны друг к другу самодержавные власти; если потом эти люди, предубежденные слепой привязанностью и почтением к нравам и обычаям своего Отечества, потому только и чувствуют презрение и отвращение ко всему хорошему, полезному и похвальному у иноземных народов, что все это иностранные выдумки, не обладают никакими другими знаниями и искусствами, да и не желают обладать ими, кроме таких только, которые имеют осязательное и непосредственное влияние и пользу, зато считают пустым и глупым все остальное и завершают свое невежество вполне неразумным суеверием, — то, наверное, подобное название в минувшем столетии не может быть присвоено никому из европейских, да даже не многим и из азиатских народов с такою справедливостью, как русским. При всем том у русских не было недостатка в понятиях о благе и зле их положения. У них были свои особенные правила честности, которые они натверживали юношеству таким же образом, как бывает то и в Европе, и которых соблюдение или нарушение приносило взрослым русским так же точно честь или позор. После китайцев, может быть, нет другого народа под солнцем, у которого простой человек, повстречавшись с равным себе, был бы так вежлив и говорил ему столько любезностей, как у русских, особливо живущих на Украине. Но та была их беда, что подобные правила они должны были взять у старинных своих победителей и владык, татар Золотой

Орды, у коих заимствовали также и все прочие учреждения, как придворные, так правительственные и военные. Точно так же, как этот народ обыкновенно поставляет добро или зло совсем в других вещах, нежели европеец, и его мысли о том точно так же не сходятся с европейскими, как ночь со днем, то из того естественно вышло не другое что, а только усвоение русскими такого образа жизни у татар, какой для иностранцев, приезжавших в Москву, необходимо должен был казаться варварским и зверским; отвращение к ним этих иностранцев немало усиливали пренебрежительные и надменные приемы, с которыми русские часто встречали посланников иноземных государей по неразумной мечте о преимуществах своего царя пред всеми другими.

2. Но уж наверно оскорбили бы этот народ, если бы зашли в этих упреках слишком далеко и вполне усвоили себе описание русских, сделанное в прежнее время одним французом, что «москвит всего более человек Платона, бесперое животное, которому недостает только чистоплотности и здравого смысла, чтобы быть вполне человеком». Если же кто сомневается, были ли разумны русские до царствования Петра I, тот пусть заглянет в их историю и сообразит, что происходило у них в минувшем столетии, как, после распада Русского государства на бесчисленное множество партий из-за честолюбия Годунова и польских происков, оно приведено было на край гибели внутренними и внешними врагами, когда поляки овладели Москвой, а шведы Великим Новгородом, как, говорю я, после таких огромных несчастий своими собственными силами и разумными действиями, без чужеземной помощи, не советуясь ни с каким иностранным вождем или министром, без других военных сведений, кроме своих стародавних, русские очистили свое отечество от двух таких сильных врагов, снова восстановили свою монархию и меньше, чем в 50 лет, не только взяли назад все области, которыми сначала должны были пожертвовать своему спокойствию, до Ингерманландии и клочка Карелии, но еще отняли у поляков, кроме Смоленска, Киев, Чернигов и Северию, даже принудили Оттоманскую Порту, бывшую в то время на самой вершине могущества и величия своего, оставить им казаков со всей Украиной. Все это сделали они под управлением таких государей, которые не отличались ни особенной храбростью, ни умственным превосходством, да к тому же еще были из такого нового рода, что первый царь их, Михаил, уж верно не мог бы доказать своих прав ни в одном немецком учреждении.

Кто, говорю, сообразит все это, тот должен будет сознаться, что простоватые неразумные люди никогда не могли задумать таких великих предприятий, а тем менее их исполнить.

3. А если кто не хочет утруждать себя справкою в истории, так пусть возьмет простого русского горожанина или крестьянина, на которых никогда не простирались заботы Петра I об образовании его подданных, да и поиспытает, далеко ли простираются его умственные и нравственные силы.

При этом исследовании вскоре окажется, что русский вообще во всех делах, где только не стесняет его предрассудок его отечества или вероисповедания, владеет очень здравым природным умом и ясным суждением; что вместе с тем у него необыкновенная способность понимать что бы то ни было, большая сноровка находить пригодные средства для своей цели и пользоваться к своей выгоде выпадающим ему случаем и что большинство между ними одарено до-

Русские крестьяне.
Гравюра. XVII в.

статочным природным красноречием, умением хорошо обделывать свои дела и рассудительно выбирать, что полезно для них, что вредно, да еще все это в гораздо большей степени, чем обыкновенно встречается в таких же простолюдинах Германии или в другой какой стране. Но кто пожелает взяться за такое исследование и из того составить для себя понятие о даровитости русского человека, тому надобно наперед отбросить совсем все свои предубеждения и смотреть на вещи, как они есть в природе, а не брать мерилom своих суждений нравы и обычаи, установившиеся в его отечестве. Потом ему надобно знать и язык русский и иметь дело, по крайней мере обращение, с ними. Потому что можно положить на верное, что русский простого звания во всех своих делах с иноземцами имеет в виду одну только цель — свою выгоду и не дает заходить в свою голову никакой другой мысли, кроме той, как бы дать им выгодное понятие о самом себе. Оттого-то он и является на глаза к ним с большой осмотрительностью, с совершенно простоватым, даже глупым, видом, но под этим притворным простодушием старается залезть к ним в самую душу и мастерски умеет пользоваться самой малейшей слабой стороной, какую выставят ему. А так как вообще не слишком бывают осторожны с таким человеком, у которого предполагают не много ума, то обыкновенно выходит в подобных случаях, что иностранец остается внакладе.

Это с большим вредом чувствовали многие из иноземцев, особливо нанявшиеся в русскую службу: сверх всяких своих ожиданий, они видели, что их подчиненные, смотревшиеся простачками, так провели их, что сами они не в силах себя выручить, а должны обращаться к ним же с просьбами и позволить

им руководить собою. По той же причине случалось, что многие иноземцы, ездившие в Россию и судившие о русских поверхностно, в таких дурных чертах изображали их рассудок; зато другие, никогда не выдавшие России и изучавшие русских только по их поступкам и переговорам, как например, Пуффендорф в «Жизни Карла-Густава» и другие, сколько они ни жалуется на их ложь и плутовство, однако ж не отказывают в похвале, следующей их рассудку и остроумию.

II

КАКИЕ ПОЛЕЗНЫЕ ГЛАВНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ПРЕДПРИНИМАЛ ПЕТР I ОТНОСИТЕЛЬНО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ?

1. В основе вероисповедания, а именно в церковных догматах, Петр I не сделал ни малейшего изменения во все свое царствование, напротив, еще всегда заявлял особенное усердие к сохранению чистоты вероисповедного учения и старался так называемых раскольников или еретиков (*schismaticos*), отлученных от Церкви в правление его отца, возратить в ее недра обложением чрезвычайной податью, необыкновенной барщинной работой, позорным отличием в одежде и другими подобными кроткими понудительными мерами, даже велел сожечь живыми некоторых их учителей.

2. Правда, что в его время в России стали употреблять в учении о Причастии слово «пресуществление» (*Transubstantion*) вместо слова «претворение» (*Transmutation*), которым прежде пользовалась в этом случае Русская Церковь. В напечатанном по его приказанию Катехизисе тоже несколько смягчено учение о почитании икон, получившем вид простого, холодного приветствия им. Но первое, незаметно для самих себя, ввели русские попы, которые если и знают что-нибудь, то научились в папистских училищах в Польше, а потому и много усвоили католических понятий; им и спустили это, так как Греческая Церковь в основании совершенно согласна с Римскою насчет этой статьи. Смягчение учения об иконах — просто одна затея Новгородского архиепископа, посредством которой он охотно устранил бы совсем эту соблазнительную статью, не оскорбляя, впрочем, значения Второго Никейского собора, который постановил ее. Но прочее духовенство никогда не хотело одобрить того и, по кончине Петра I, безбоязненно отвергло и признало незаконным.

3. Таким образом, ныне учение Русской Церкви вполне согласно во всех членах веры с тем, которое было в общем ходу в России до Петра I, так же и с догматами Греческой Церкви; еще до сей минуты вся Русская Церковь признает книгу Символа веры «Исповедание веры Восточной Церкви», сочиненное в прошлом столетии некоторыми греческими духовными в Могилеве, по согласию с несколькими русскими духовными и потом напечатанное на греческом и латинском языках*.

* Автор хотел сказать об известном творении Киевского митрополита Петра Могилы «Православное Исповедание», рассмотренном предварительно на Соборе в молдавском городе Яссах в 1643 г., а в 1645 г. вновь рассмотренном и одобренном уже всеми четырьмя восточными патриархами и другими иерархами как истинное и правое учение Вселенской Церкви. (Прим. переводчика)

4. Но зато в иерархии и благочинии Русской Церкви Петр I задумал разные существенные перемены и большею частью привел их к счастливому концу. Самую важную исходною точкою всех других было уничтожение патриаршества в Москве и объявление Петром I себя верховным епископом или главою своей Церкви.

5. А так как константинопольские проповедники христианской веры ввели эту веру в Россию, эта страна и подчинена была тамошнему патриаршеству в духовных делах до исхода XVI столетия. Митрополит всей России, который сначала имел свое местопребывание в Киеве, а потом в Москве и которому подчинены были все русские епископы, иногда избирался этими последними, а иногда назначался великими князьями и царями, но всегда должен был получать утверждение от Константинопольского патриарха. К этому же духовному лицу поступали все обжалования (*appellationes*) во всех духовных спорах; к нему же относились и цари не только в делах совести, но и когда какой-нибудь пронырливый и кичливый епископ начинал поднимать голову перед ними или когда чего-нибудь требовали у духовенства, а оно не имело охоты на то. А как цари умели подкреплять свою просьбу значительными подарками, то редко и получали отказ у жадных, терпевших нужду патриархов, особливо после того, как турки овладели Константинополем и отняли у патриарха всякое значение, да еще ввели в обыкновение продавать этот сан тому, кто больше даст за него.

6. Насколько русские государи находили свои расчеты при таком образе действий, настолько же невыгодно было для духовенства уважение к такому главе, который не имел ни воли, ни силы защищать их от государя, да еще при всяком случае и выдавал их ему. Это заставило духовных подумать о средствах, как бы избавиться от этого чужеземного бича и добыть себе верховного вождя в своем отечестве, имеющего общие с ними выгоды и по собственным делам принужденного действовать заодно с ними против государя. Они делали для того разные попытки еще во времена Ивана Васильевича, которому историки дают имя Грозного, хоть и не так основательно, как обыкновенно думают. Но этот был слишком прозорлив, чтобы не распознать таившегося пронырства. Оттого и все их старания были напрасны при его жизни. Зато нашли они благоприятное время, когда взшел на русский престол сын его, Федор Иванович. Он не имел ни способности, ни охоты к правлению. Его лучшее удовольствие было лазить по колокольням да звонить в колокола, а правительственные работы возложил он на своего первого министра, Бориса Годунова. При таком слабом государе духовенству нетрудно было получить все, чего только оно хотело, да и первый министр с удовольствием взялся за случай привязать к себе это сильное сословие, которое могло когда-нибудь пособить ему, а также много и повредить в исполнении его властолюбивых замыслов, уже в то время бывших у него на уме. Так и выписали из Греции двоих отставных восточных патриархов, а таких не один почти во всякое время бродил по Турции и по своему неисправимому характеру оказывался до неприличия расположенным поддерживать всякие смуты; созвали собрание епископов, которому дали название Собора, поставили тут 5-м патриархом русского митрополита и объявили его независимым от Константинопольского, которого согласие, наконец, легко получили за деньги.

7. Теперь Годунов сколько ни давал воли духовенству, но тем не менее употреблял всю осторожность, чтобы не нарушить прав царского венца, который

он думал сам некогда надеть, и умел так уладить дело, что на Соборе постановили: при будущем упразднении патриаршего престола духовенству назначать в патриархи двух (трех) соискателей, но государь волен выбрать из них, кого ему угодно, даже и всех троих отвергнуть, и распорядиться новым избранием. Как только умер 1-й патриарх, Иов, Годунов так устроил, что этот сан получил человек простоватый, по имени Гермоген, не имевший других заслуг, кроме решительной преданности Годунову. Духовенство, в радости, что дело пошло так далеко, не особенно противилось тому, надеясь со временем найти случай к дальнейшему расширению своих преимуществ и к совершенному устранению неосвященных мирских рук от выбора своего верховного первосвященника.

8. Через несколько лет для духовенства, по-видимому, настала благоприятная минута, когда, по утишении смут, поднятых в России Лжедмитриями и поляками, избран был сын епископа Ростовского, Михаил Федорович Романов, в цари, а епископ Филарет в патриархи. Эта духовная особа, при многих других великих качествах обладавшая в то же время неограниченным властолюбием, сумела так воспользоваться отеческою властью над сыном, что во всем царстве правила неограниченно всем и не оставляла ничего для управления молодому царю, кроме одного только имени. Так же, как и сын, Филарет носил титул «великого государя», с тою незначительной разницей, которую по-немецки совсем нельзя и выразить, а по-французски она по нужде может быть выражена словами *Grand Seigneur* — «великий государь» и *Grand Sieur* — «великий господин». У него были свои бояре или государственные министры и все другие придворные служители, какие обыкновенно бывают при царском дворе; он даже отправлял от своего имени посланников к Польской Республике и Константинопольскому патриарху.

У него был свой, особенный от царского церемониал, в котором до самой мелочи было условлено, как царю принимать патриарха при его посещениях. Судебную власть свою распространял он неограниченно и без обжалования на все, что когда бы то ни было признавало подсудным себе христианское духовенство. Даже в Государственном совете его голос был первый и самый важный и обыкновенно устранял все другие, так что при его жизни без его согласия нельзя было решить безделицы ни о войне и мире, ни о других общественных делах. Вообще он присваивал себе всю власть и преимущества, на какие когда-либо заявлял требования самый честолюбивый Папа в иноземной стране.

9. Со всем тем он помнил, что царь — его сын; потому с него и довольно было обеспечить однажды приобретенную власть на время своей жизни; однако ж он тщательно остерегался расторгать ту связь, которою привязал Годунов патриарха к милости царя, или подавать своему преемнику случай к освобождению себя от подчиненности его потомкам. Но наконец царь Михаил от всего сердца наскучил тем игом, под которым находился, и не очень-то горевал, когда закрыл глаза старый патриарх, с досады и огорчения на плохой успех затеянного им предприятия на Смоленск. Как пишет русская летопись, царь выбрал ему в преемники тихого и простоватого игумена по имени Иоасаф, а по кончине его, возложил этот сан на человека с такими же достоинствами, Иосифа: оба они соглашались на все, что считал за благо царь.

10. Но когда последний умер, во время малолетства царя Алексея Михайловича, духовенство нашло хитрого и предприимчивого мужа с высоким и гордым

духом для возведения на патриарший престол*. Этот старался привести величие своего сана опять в то положение, как было во время патриарха Филарета, объявил притязания на все преимущества, какие имел тот, гнал и теснил иностранцев, которых начинал слушаться царь, присвоил себе неограниченную власть во всех духовных и многих гражданских делах и получил уже так много значения и доверия в народе, что царь не осмелился низложить его своею властью, а созвал для этой цели Собор в Москве, и, из боязни, чтобы его духовенство не стало пособлять скорее своему верховному пастырю, чем соблюдать выгоды своего государя, он должен был с большими расходами выписать в Москву каких-то низложенных восточных патриархов. Эти патриархи были совершенно такого же разбора, как и их предшественники, давшие согласие на патриаршество в России: они не хотели остаться непризнательными к тем огромным деньгам, какие царь издержал на них, и довели своею властью это дело до того, что патриарх, по предъявлении Собору обвинительных статей против него, был лишен сана и заключен в монастырь неподалеку от Москвы.

11. Потом царь Алексей возвел на патриарший престол одного простоватого старичка, от которого не мог опасаться никакого беспокойства: он, как и все его преемники, держался этого правила постоянно, при всяком упразднении патриаршего престола. Оттого-то и вышло, что последующие Патриархи хотя и пользовались наружною почестью и уважением, также очень значительными доходами, но в политических делах почти совсем не выдвигались вперед, оставались в страдательном положении и вполне подчинялись воле своих государей.

12. Так, последний патриарх Адриан, умерший в 1702 году, смотрел совершенно спокойно, как Петр I сажал в монастырь сестру Софью, как приказывал казнить жестокими муками многих священников и монахов, сделавшихся участниками в ее происках или по крайней мере очень свободно рассуждавших об его поведении; как брал колокола с церковью для возобновления потерянной при Нарве артиллерии; удостоивал дружеского обхождения и доверия еретиков, по постам явно ел мясо, безбоязненно нарушал и другие церковные уставы; как стриг бороды русским, заставлял их носить французское платье и вводил бесчисленное множество других обычаев, которые были ужасом для русских, особливо для духовенства.

13. Несмотря на то что русские цари, благодаря долгому упражнению, уже изучили искусство так сдерживать патриаршескую власть, что она не могла причинить никакого ущерба государевой, Петр I, во избежание разных случаев, считал гораздо вернее и выгоднее для своих намерений уничтожить совсем этот сан и так направить духовенство, чтобы оно никого не признавало своим верховным епископом, кроме своего государя. Выгоды, которые вышли бы тогда для него, были так явны, что ему нечего было колебаться долго. И так это решено скоро. Затруднение состояло лишь в том, как начать дело. Духовные приступали к нему всеми силами, все просили занять патриарший престол и делали ему страшное описание несчастья, могущего произойти в стране от мешкотности в этом деле. Петр, хоть и замечал, что опасность не так еще велика и что духовенство придает излишнюю важность этому делу, однако ж

* Речь идет, конечно, о патриархе Никоне.

не знал, как отвязаться, и жадно искал человека, который вывел бы его из затруднения и принял на себя управление духовными делами.

14. Незадолго перед тем один русский из простого звания, Талицкий, изучивший в Москве книгопечатание, тайно завел в деревне печатню и обнаружил книжечку, в которой доказывал, что Петр — Антихрист, потому что стриженем бород позорит образ Божий, приказывает резать и распластывать людей по их смерти, попирает церковные уставы и другие, какие только есть, вводит нелепости. Талицкого скоро открыли и, в награду за его труд, сжили с бела света. А творение его взялся опровергнуть один монах, львовский уроженец по имени Стефан Яворский, незадолго перед тем пришедший в Россию поискать себе счастья. Труд его, правда, вышел так плох, что он стал бы посмешищем для всей Европы. Одно из самых главных доказательств, почему Петр не Антихрист, выводилось из того, что Антихристово число 666 никакой каббалой нельзя было составить из имени Петра.

Но в стране слепых и кривой — царь: это произведение так понравилось Петру I, что он велел распространить его посредством печати, а Яворского назначил Рязанским епископом. А так как Яворский сверх того имел свободный дар слова, в состоянии был написать проповедь на иезуитский лад, при том умел и подделываться, заявляя притворно слепое повиновение всем приказаниям Петра, то этот и подумал, что нашел в нем не только способного человека, но и такое орудие, которое без противоречия позволит себя употребить для исполнения его намерений, и в такой уверенности, объявил его экзархом, или наместником патриаршества.

15. Однако ж Петр скоро заметил, как обманулся он в этом человеке. Да и действительно, ученость его простиралась не дальше того, как обыкновенно доходит она в папистских монастырях в Польше. Но зато в иезуитских училищах он так крепко вбил себе в голову папистские правила о преимуществах духовенства и его независимости, что всего меньше мог помочь Петру в исполнении его намерений, которые совершенно противоположны были вышесказанным правилам. На самом деле он не прямо, но сильно перечил его намерениям, особенно касательно намерения убавить лишнего богатства у церквей и возвратить духовных к умеренности, требуемой их званием, так что, пока он был жив, это дело не состоялось; однако ж поступал при том так осторожно, что нельзя было сделать ему никакого упрека в этом случае. Несмотря что этот образ его действий для Петра I не остался тайной, царь все-таки давал ему это почувствовать тем только, что холоднее прежнего обходился с ним: эту необычайную мягкость нельзя приписать ничему другому, кроме нежелания Петра обнаруживать преждевременно свои намерения немилостью к Яворскому, в отраду и утешение старинным православным русским сердцам: он оставил его на месте до тех пор, пока не пришел в совершенную зрелость новый порядок церковного управления, над которым он между тем трудился с Прокоповичем.

16. Этот человек, умерший в прошлом году в Петербурге архиепископом Новгородским, проживал в монашеском звании в Киевском Печерском монастыре, когда Петр посетил эту обитель после Полтавской битвы.

В молодости он обучался не только в польских училищах, но и в Риме, да и совсем другим образом, нежели как обыкновенно проходят свое учение его земляки: при его честном и прямодушном нраве, а также остром и живом уме,

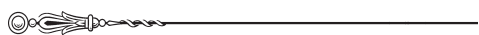
те благочестивые обманы (*piae fraudes*), которые он заметил в Италии, внушили ему такой ужас к папству, что он не мог о нем говорить без душевного волнения, чему, может быть, пособило также и чтение протестантских книг, которые он ставил очень высоко и не задумывался отдавать им предпочтение пред большинством его церковных Отцов*.

Кроме того, он отличался такими добродетелями, которые обыкновенно тоже не составляют общей принадлежности духовенства: чрезвычайною скромностью, так что его надобно было силой тащить во все почетные занимаемые им мало-помалу должности, совершенным бескорыстием и пылким желанием содействовать благу отечества, даже и на счет выгод духовенства. Петр тем еще больше привязался к этому монаху, что встретил у него совершенно те же мнения о порядке церковного управления, какие сам он старался распространить в своем царстве, и нашел в нем волю и готовность честно помогать ему в том. Но так как шведская война была еще в полном разгаре и было бы не вовремя начинать такое щекотливое дело, то Петр I не хотел поднимать шума, оставил Прокоповича в Киеве и довольствовался тем, что вел с ним постоянную переписку об этом деле. Когда же он окончил поход в Поморье, сделал путешествие во Францию, уладил отречение своего царевича и благодаря тому несколько поуспокоился, тогда призвал и Прокоповича в Петербург под предлогом устройства училищ в монастыре святого Александра. Он назначил его игуменом этой обители** и условился с ним о новом образе управления, который хотелось ему ввести для своего духовенства.

17. Для приготовления к этому умов народа издано в свет сочиненное Прокоповичем небольшое рассуждение под названием «Первосвященник»***, в котором с такою же большою ученостью, как и основательностью, доказывалось, что первые христианские императоры постоянно удерживали за собою первосвященнический сан, носимый их языческими предшественниками, пока, наконец, Римские папы нашли способ выманить его у них вместе с соединенными с ним преимуществами и присвоить себе; при этом в то же время внушалось, что в христианском государстве главный надзор за духовными делами не может принадлежать никому другому, кроме государя.

18. Вскоре потом Петр I объявил, что на будущее время сан и титул патриарха, как слишком заносчивое и никакому подданному не приличное достоинство в России, совершенно отменяется, а духовные дела вперед будут под ведением и наблюдением Правительствующего Синода, состоящего из одного президента, двоих вице-президентов и нескольких советников и заседателей под верховным надзором государя.

Как скоро составилась этот Синод, ему был прислан на рассмотрение Духовный Регламент**** и по именному повелению одобрен и отдан в печать

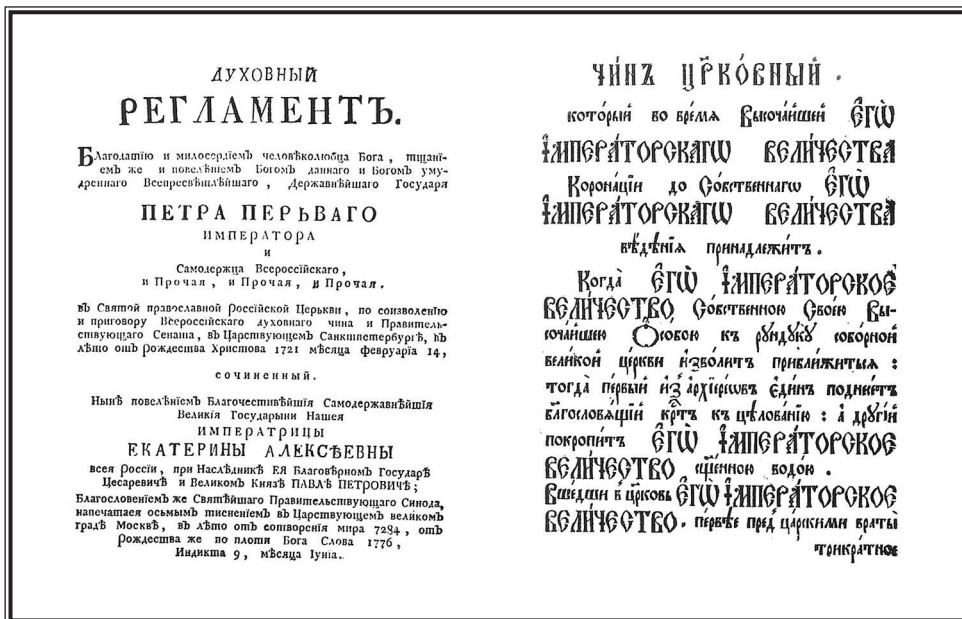

* Следует учесть, что это говорит протестант. (Прим. переводчика)

** Игуменом он сделан еще в 1711 г. Киево-Братского монастыря. (Прим. переводчика)

*** «Первосвященник, или Розыск исторический, коих ради вин, в каковом разуме были и нарицались императоры римские Понтификами, а в Законе Христианством Государи могут ли нарецись Епископы и Архиереи, и в каком разуме?», 1721 г. (Прим. переводчика)

**** Его Петр I приказал сочинить только в 1722 г. как прибавление к Духовному Регламенту под названием: «Прибавление о духовном причте и монахах». (Прим. переводчика)

Духовный регламент Петра Первого.

1774 г.

[в 1719 г.], несмотря на Яворского (который объявлен был президентом, но в первом же году и умер), делавшего много возражений против него.

19. В этом Регламенте вполне утверждено учение о зависимости духовенства от правительства страны, уничтожены все церковные льготы и преимущества, сделаны разные полезные постановления для монастырской жизни, запрещено много суевренных вероисповедных обрядов, разобраны некоторые сомнения относительно проклятия и церковного повиновения, тайна частной исповеди (*in specie sigillum confessionis*) ограничена так, что духовник не может молчать о заговорах против государя, мятежах и других государственных преступлениях, если такие будут открыты ему на исповеди, а должен доносить о них под страхом наказания за государственную измену.

Это сочинение, конечно, мастерское произведение в своем роде, заслуживает прочтения с начала до конца и заключает в себе все перемены, сделанные Петром I относительно церковного благочиния. Оно было напечатано в Германии, почему и не нужно будет в подробности передавать его содержание. Для образца я приведу только постановление о монастырях [1721 г.].

20. Сначала между многими другими правилами, клонящимися к сохранению доброго порядка и приличия в церквах, в особенности предлагается монастырям, чтобы они отправляли Богослужение с должным благочестием и благоприличием, для чего в каждом монастыре должно находиться по крайней мере 30 монахов, а где нет такого числа их и, стало быть, эта конечная цель не может быть достигнута, монастырь должно обратить в приходскую церковь и училище, монахов, живших в нем до того времени, развести по другим монастырям, которым недостает требуемого числа их. Но затем всем игуменам и настоятелям монастырей внушается, под страхом тяжкого наказания, не принимать в монастырское звание без особенного указа ни одного дворянина, ни кого-либо, служащего в государственной службе, ни приказного писца, ни

безграмотного, ни несовершеннолетнего, никакого мещанина, ни крестьянина. Так как в этот список входят все русские подданные какого бы то ни было звания и, следовательно, никому не дозволяется идти в монастырь, кроме тех вдовых священников, которые, по уставу Греческой Церкви, не могут больше продолжать свою должность, монастыри же, в которых нет по крайней мере 30 монахов, должны быть закрыты, то, в случае точного соблюдения такого постановления, число монастырей в России в продолжение, 30 лет естественно уменьшилось бы до того, что во всей этой стране не осталось бы более 10 таких, которые считалось бы полезным сохранить из особенных видов. Но, по кончине Петра I, исполнению этого предначертания не дали дальнейшего хода и не заботились о нем, как и о многих других введенных им полезных учреждениях в духовных делах.

21. Вслед за введением этого нового образа духовного управления и связанных с ним распоряжений Петр I ни о чем не прилагал столько стараний, как о том, чтобы вывести свое духовенство из прежнего невежества. В начале его царствования духовенство было гораздо грубее, чем оно было в Европе в самые темные столетия папской власти. Проповедовать было у него решительно не в обычае. Кто мог читать и писать да умел точно соблюдать церковные обряды, тот имел все нужные требования не только для священника, но даже и для архиерея. Да если еще при том он составил себе известность строгой жизнью, а от природы награжден был окладистой бородой, то слыл за отличное духовное лицо.

22. Между украинским духовенством кое-где встречались еще некоторые, имевшие наружность учености. Потому что в то время, когда поляки завладели этой областью, жители ее завели в разных монастырях латинские училища, а в Киеве и Чернигове — Академии*, где учили богословию и философии, впрочем, только на польский лад. Но как мелко плавали в науках эти господа, можно заключить из следующего суждения, которым несколько лет тому назад в моем присутствии возразил какому-то русскому князю игумен одного из знатнейших монастырей в Украине относительно духовности курения табаку. По случаю проступков некоторых монахов упомянутого монастыря князь утверждал, что лучше бы разрешили монахам курить табак: это служило бы для них развлечением и не туманило головы, нежели разрешать пиво, водку и другие крепкие напитки, которые доводят их до разных пороков и соблазнов. Игумен отвечал, что это было бы очень хорошее дело, если бы только курение табаку положительно не запрещалось словом Божиим, так как в Библии сказано, что входящее в уста не сквернит человека, а выходящее устами оскверняет его. Ведь все крепкие напитки входят в рот, а табачный дым выходит.

23. Со всем тем, эти украинские духовные были одни только, которыми мог пользоваться Петр I для распространения большой учености в своем духовенстве. А если б захотел он употребить для того приверженцев иноземной веры, то дал бы только еще новую пищу подозрению, какое и без того уже имели на него ревнители старинного Православия, и возбудил бы, может быть, опасные волнения в народе, но все же не достиг бы тем своей последней

* В Чернигове никогда не было никакой Академии, но в 1700 г. была открыта Славяно-латинская школа для духовенства свт. Иоанном (Максимовичем). (Прим. переводчика).

цели. И так, при назначении наместником патриаршества вышеупомянутого Стефана Яворского, он поручил ему между прочим заводить училища, где бы могли учиться необходимым наукам люди, посвящавшие себя духовному званию; а чтобы их еще больше поощрить к тому, учредил капитал, из которого каждому учащемуся должно было выдавать от 3 до 4 копеек ежедневно (около 1 гроша, или 16 пфеннигов), соразмерно его успехам.

24. Яворский и учредил немедленно Богословскую и Философскую Академии в Спасском монастыре в Москве, вверил управление игумену того монастыря, Лопатинскому*, человеку хотя и не без способностей, но тайному паписту, и выписал из Украины некоторых монахов, которые должны были обучать в Академии в качестве профессоров. Но как эти люди сами не знали ничего больше, кроме того, чего насмотрелись и понабрались у иезуитов в Польше, то изо всего этого дела и не вышло ничего лучшего, кроме иезуитского училища. Философский и богословский курсы, читанные профессорами, слово в слово были списаны у римских докторов и напичканы ссылками на Вескеца, Суарца, Эскобара, Санхеца, Овиедо и других таких же темных схоластиков, из которых ученики их так мало могли получить зрелой учености, что Петр I в большой толпе обучавшихся в этой Академии не нашел ни одного, кого бы можно было возвести в духовный сан.

25. Лишив вскоре за тем своей доверенности в духовных делах Яворского и обратив ее на Прокоповича, Петр I поручил ему между прочим и улучшение учебной части в России. Этот рассудительный человек взялся потом за дело с совсем другого конца и полагая, что, прежде чем думать об учреждении высших училищ, сначала надобно достать хороших учителей. В этих видах он отправил в немецкие академии нескольких русских, положивших уже научные основания в его домашнем училище и посвящавших себя духовному званию, для упражнению в тамошнем способе учения и в науках, чтобы после того в высших [училищах], которые будут учреждены в России, они могли сообщить своим слушателям что-нибудь поважнее польской схоластической болтовни. Меж тем для подготовки им способных учеников к их возвращению он завел в своем доме, также и кое-где в монастырях Новгородской епархии, низшие училища, где множество молодых людей обучалось языкам, началам философии и другим полезным наукам, и не усомнился пользоваться для того протестантскими студентами в качестве учителей. Но смерть Петра I подорвала его доброе предприятие: старое русское полупапистское духовенство, которому впоследствии, а особливо во время Петра II, давали большую потачку, мешало ему всеми силами. Молодые люди, посланные им в Германию, либо совсем не вернулись назад, либо не принесли тех способностей, которых он ожидал от них, так что он никогда не мог достичь своей главной цели. Со всем тем его училища имели ту пользу, что доставили учрежденной потом Академии наук разных способных лиц, но и эти лица, подвинувшись несколько дальше в учении, не захотели посвящать себя духовному званию, а искали себе счастья в гражданских должностях.

26. Впрочем, вопрос не решенный, поступал ли еще Петр I как хороший государственный человек, желая образовать свое духовенство и извлечь его

* С 1706 г. по 1722 г.